

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 16—24.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 16—24.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1“19”

DOI: 10.46726/И.2024.4.2

СТИХОТВОРЕНИЕ И.А. БУНИНА «МАГОМЕТ И САФИЯ»: АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА (ТЕКСТ И КОНТЕКСТЫ ПОНИМАНИЯ)

Геннадий Юрьевич Карпенко, Прагья Мишра

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева,

г. Самара, России, karpenko.gennady@gmail.com;

г. Нью-Дели, Индия, gayatripragya2001@gmail.com

Аннотация. В статье стихотворение «Магомет и Сафия» рассматривается как в соотнесении с другими произведениями Бунина, так и в свете лингво-историософских, антропологических и религиозных идей времени, которые в разном виде нашли свое отражение в стихотворении. Контекстный подход позволяет актуализировать потенциальные подтекстовые смыслы, которые оживают в стихотворении в контексте тех духовно-гуманистических настроений эпохи, которые связаны с желанием обновления человека. Бунин обосновывает идею о необходимости воскресения в человеке мироощущения «первых дней» Творения, «внутреннего» возвращения к «изначальному», когда человек жил памятью о своем «авраамовом первородстве». В комплексе «возвратных» пробуждающихся чувств, единящих в духовно-кровном родстве все человечество, Бунин видел «смысл и назначение истории», которые должны найти свое осуществление не в ее устрашающей эсхатологии, а в ее антропологической вершине, в пространстве Рая, где оно — пространство Рая — иеротопично, пронизано благодатной энергией присутствия Творца, а человек наполнен, как Магомет, чувством «кроткой» радости, переживанием «близости, братства, единства со всеми живущими на земле».

Ключевые слова: И.А. Бунин, стихотворение, Магомет, Сафия, Коран, Библия, прародина, авраамово первородство, единство человечества

Для цитирования: Карпенко Г.Ю., Мишра П. Стихотворение И.А. Бунина «Магомет и Сафия»: антропология родства (текст и контексты понимания) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 16—24.

Стихотворение И.А. Бунина «Магомет и Сафия» (1914) по вполне понятным и подразумеваемым причинам — заострение в нем межнациональной и межконфессиональной проблематики — оказалось вне поля зрения современных отечественных буниноведов.

Магомет и Сафия

Сафия, проснувшись, заплетает ловкой
Голубой рукою пряди чёрных кос:
«Все меня ругают, Магомет, жидовкой», —
Говорит сквозь слёзы, не стирая слёз.
Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг:
Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя,
Магомет — супруг». [Бунин 1: 366]

Однако в последнее время (и это примечательно) интерес к бунинскому стихотворению и к его смыслам был проявлен на «периферии», за пределами отечественной науки о художественном слове. К сожалению, интерес к нему получил слишком односложное выражение. Так, J. Jędra и E. Stawinoga пишут следующее: «Поэт ставил Коран наравне со священной книгой христиан, подчеркивая духовно-кровное родство основателей обеих религий (стихотворение “Магомет и Сафия”» [Jędra, Stawinoga: 52]. В таком кратком суждении стихотворение выступает в роли косвенного иллюстративного примера, оставаясь при этом незатронутым. Справедливости ради нужно заметить и другое: все-таки в стихотворении речь идет не об исламе и христианстве, как полагают ученые, а об арабах и евреях и об их общих предках, а в религиозном плане, если его актуализировать, — об иудаизме и исламе, связанных идеей единобожия:

Нет в мире Бога, кроме Бога,
Сильнее тайны — силы нет [Бунин 1: 222].

Дж. Карими-Мотаххар и М. Яхьяпур выходят на стихотворение «Магомет и Сафия» тоже с иллюстративной целью, пытаясь определить отличительную особенность мировидения Бунина: «Главное, как считает писатель, — это понятие о человеке в самом общем смысле, его духовные, нравственные качества, что находит отражение в стихотворении “Магомет и Сафия”» [Карими-Мотаххар, Яхьяпур: 39—40]. Несмотря на то, что ученые ничего не говорят о проблемно-содержательной стороне стихотворения, они пишут о важности учета предпосылочных «общих смыслов», в контексте которых оно только и может возникнуть и открыть свои потаенные смыслы.

В свое время Р.С. Спивак, обратившись одной из первых к изучению историософских представлений Бунина, отметила концептуально выверенный взгляд писателя на события исторического прошлого, на разнородные явления национальных культур. Как точно подмечает ученый, в восприятии Буниным мира прошлого доминирует не мировоззренческая установка, находящая выражение в разграничениях и идеологемах, а комплекс духовно-психофизиологических откликов на зов родства: отличительной особенностью мироощущения Бунина было его желание «утвердить как норму, представить законом бытия человечества» вечно живое чувство «взаимной симпатии», «общности времен, эпох, народов» [Спивак: 86].

Как видим, исследователи творчества Бунина предельно кратко говорят о концептуальной значимости стихотворения «Магомет и Сафия» и о чувстве «вселенской симпатии», воплощенном в его произведениях. В таком «неразвернутом» виде оно, бунинское переживание «общности народов», вполне согласуется с вершинным проявлением русского духа, которое воплотилось, по словам Ф.М. Достоевского, «в художественном гении Пушкина», призывавшем «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению», [Достоевский 26: 148]. Но даже такого высокого сближения с пушкинским мировосприятием недостаточно: оно не выявляет специфических смыслов стихотворения Бунина.

Следовательно, есть очевидная потребность обращения к бунинскому стихотворению «Магомет и Сафия», обусловленная необходимостью соотнесения его содержания не с суждениями общего характера, а с широким и в идеях конкретным контекстом культуры. К тому же обращение к контекстам культуры (понимания) [Есаулов] позволяет снять «отпугивающий эффект», возникающий от этнорелигиозной проблематики стихотворения. Он с пользой для дальнейшего понимания снимается, если исходить не из общегуманистических установок, не из локализованных и интерпретационных смыслов, ограниченных узкими рамками

текста (хотя они и значимы), а из контекста, причем не из социально-политического, который тянет за собой шлейф соответствующей литературы того времени [Толстой], уводящий от сути бунинского мировосприятия, — а из того религиозного, историософского и антропологического контекста, который позволяет увидеть органичность содержания стихотворения Бунина глубинным и ярко выраженным — валентно гуманистическим — настроениям эпохи. Такой контекст дает возможность исследователю описать решение извечно острого вопроса, предлагаемое писателем на основе совершенно других — не национально-конфессиональных — предпосылок. Стихотворение «Магомет и Сафия» прочитывается и открывает свои всегда востребованные «спасительные» смыслы в свете религиозных, историософских и антропологических взглядов Бунина — выполняет свое духовно-художественное предназначение: дарует человеку возможность в самой истории, если воспользоваться словами К. Ясперса, «на ее завершающей стадии» вступить «в сферу гармонического созвучия душ <...> где мы созерцаем друг друга в любви и в безграничном понимании», — порождает одно высокое неизбывное настроение: «...все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его» [Ясперс: 31]. В этом комплексе пробуждающихся «мирящих» антропологических настроений, единящих в духовно-кровном родстве все человечество, Бунин (как позже и К. Ясперс в 1940-е годы, в другое апокалиптически тревожное время) видел «смысл и назначение истории», которые находят свое осуществление не в конце истории, не в ее устрашающей эсхатологии, а в ее антропологической вершине, в пространстве Рая, где оно — пространство Рая — иеротопично [Лидов], пронизано энергией присутствия Творца, а человек в своей изначальности соприроден миру и сообразен Творцу. В этом отношении историософия Бунина, находящая свое выражение в стихотворении «Магомет и Сафия», не только антропологична, но и теoантропологична, возвращает нас к началу, к «осевому времени», к периоду «живой жизни» ветхозаветного мироощущения в человеке, не утратившем своей первичной связи с Творцом и памяти о своем «авраамовом первородстве» [Быт. 17: 1—10; 21: 1—13].

Почти случайная ссылка на размышления К. Ясперса о смысле и назначении истории оказалась показательной — она вскрывает эпохальное желание человека обновить свое мировидение «первичностью ощущений»: «Чтобы спасти человеческую сущность, находящуюся в ситуации XX века на грани гибели, мы должны, по мнению Ясперса, обновлять свою связь с осевым временем и возвращаться к его “изначальности”» [Аверинцев: 533].

Контекстная постановка проблемы требует последовательного рассмотрения некоторых существенных особенностей религиозных, историософских и антропологических взглядов Бунина, которые можно назвать предпосылочными, порождающими такое явление, как стихотворение «Магомет и Сафия».

Бунин, вырабатывая свое особенное духовное мировосприятие, стремился к «миксотеизму», к «смешению религиозных представлений различного рода, часто даже противоречащих друг другу» [Геккель: 282]. Его творчество пронизано сопряжением разнообразных религиозно-метафизических взглядов. Мотивы и образная символика Ветхого и Нового заветов, Корана и Сутты-Нипаты, размышления Марка Аврелия и пантеистические настроения, языческие представления и многое другое нашли отражение в его произведениях.

Данная особенность религиозно-метафизической ориентации писателя породила в буниноведении, как указывает Н.В. Пращерук, «разноголосицу»: «В такой разноголосице подходов определяющим становился тот, который напрямую обусловлен субъективным мировоззренческим выбором исследователя...» [Пращерук: 30]. Отсюда — из исследовательской избирательности — проистекает

в науке о Бунине утверждения разных доминант его творчества: «додуховной», асоциальной, буддистской, пантеистической, коранической, ветхозаветной, христианской и т. д. [Там же: 33]. Н.В. Пращерук справедливо ставит вопрос о необходимости учитывать при рассмотрении метафизических взглядов Бунина тип художественного сознания писателя, который нужно определять по онтологическим доминантам русской культуры, связанных с христианской метафизикой, антропологией и онтологией. Такой методологический принцип не может вызвать возражения. Однако в произведениях Бунина разнообразные метафизические взгляды реализуются в зависимости от творческих задач и изображаемого материала: тогда они приобретают вполне конкретное художественное выражение, окрашиваются в языческие, ветхозаветные, христианские, буддистские, коранические, пантеистические и другие тона. Отсюда в произведениях писателя могут встречаться неожиданные с традиционной (особенно с конфессиональной) точки зрения высказывания, вызывающие даже недоумение.

Обосновывая идею о необходимости «воскресения» в человеке мироощущения «первых дней» Творения, Бунин выражает некие общие глубинные антропологические настроения эпохи, связанные с желанием «обновления» человека. Так, А. Камю, характеризуя духовную ситуацию XIX века и, в частности, взгляды Ф. Ницше, говорит о необходимости возвращения к мудрости досократиков: досократики отрицали «конечные цели, чтобы сохранить в неприкосновенности вечность выдвигаемого ими первоначала <...> Мир божественен, поскольку беспричинен» [Камю: 174].

Вот эту изначальную («беспричинную») меру божественного в человеке, данную ему в «первые дни» Творения в остроте ощущений и переживаний мира, Бунин стремится утвердить как норму человеческого. Поэтому он с православной точки зрения делает неожиданные (но в перспективе антропологической концепции оправданные) высказывания о том, что воплощение Иисуса Христа как Божьего сына и его нравственная проповедь вторичны по отношению к эманации (проявлению-проступанию) в мир сущностей Бога-Творца, явленных в «евхаристическом комплексе», в чувствах «благодарения» и так ярко выраженных Псалтирью и Кораном. Христос пришел в уже сотворенный мир и был не первым, кто «дышал» его воздухом: «И сам Христос, смиренный Иисус, / Дышал тобою...» [Бунин 1: 273]. Его приход есть следствие утраты человечеством «ветхозаветного» мировидения и последняя героическая попытка восстановить «Господний Дух» [Там же: 373]. Да и сам приход Христа — это лишь временное пребывание его на земле: он пришел и ушел. «Как сон прошли Христос и Магомет» [Там же: 325] — в то время как предвечное остается и таится в мире, «не подлежит даже и видоизменению» [Бунин 5: 304]. О «вторичности» Христа и других «преходящих» богам и пророкам Бунин пишет и в рассказе «Братья»: «Здесь, оставшись равнодушным ко всем этим Озирисам, Зевсам, Аполлонам, к Христу, к Магомету, я не раз чувствовал, что мог бы поклоняться разве только им, этим страшным богам нашей прародины» [Бунин 4: 277].

Поэтому, по Бунину, человек должен прежде всего не ожидать жертвенного прихода Сына человеческого, а «освежить» в себе свои «ветхозаветные» способности воспринимать мир в чуткости и остроте переживаний, определиться в главном: в своем отношении к Божьему миру, возродить в себе чувства «древнего человечества» [Бунин 3: 305], «стремиться назад к привычному от вечности» [Бунин 9: 46], помнить «дни Господни» [Бунин 5: 315]. Писатель говорит о спасительном возвращении к изначальным истокам человеческого духа.

Таким «частным» явлением всеобъемлющих метафизических воззрений Бунина становится и стихотворение «Магомет и Сафия». Оно тоже о спасительности

изначального, но только уже с актуализацией в нем в косвенной форме ветхозаветно-коранической и этноконфессиональной проблематики. В нем выражена мудрость «последнего пророка», отсылающего к общим для евреев и арабов ветхозаветным истокам.

Стихотворение «Магомет и Сафия» занимает одно из центральных мест в бунинской концепции единства всего человечества. Оно мощно поддерживается и лингво-историософскими гипотезами, идеи которых нашли отражение в творчестве писателя: в них доказывалось и утверждалось единство человеческого рода. Другими словами, смыслы стихотворения «Магомет и Сафия» согласуются с антропологическими идеями лингво-историософских концепций XIX века.

«Национальное самосознание, — писал Н.А. Бердяев, — всегда находит своё философское оформление в построении философии истории» [Бердяев: 121]. Именно в таком смысле историософия волновала Бунина: она для писателя становится способом выражения личностного самосознания, связанного с религиозными традициями других народов. Историософские размышления Бунина нашли концептуальное отражение в ряде его произведений: это стихотворение «Стамбул», рассказы «Город Царя Царей», «Братья», «Соотечественник», «Старуха», «Третий класс», «Ночь» и др.

В XIX веке оформились и стали противоборствовать две культурно-историософские концепции: одна — это концепция национального превосходства. Она привела, например, к колонизации Индии англичанами, а в XX веке ко Второй мировой войне. Другая концепция, которую разделял Бунин, была направлена на утверждение единства человечества как на уровне веры, так и на уровне знания. Но первая и вторая концепции восходили в своих зарождающихся вариантах к лингвистической индоевропейской теории.

В 1786 году английский языковед-санскритолог Уильям Джонс был поражен языковыми совпадениями между санскритским, греческим, латинским языками и выдвинул гипотезу об их общем происхождении [Кочергина: 7]. В дальнейшем другие санскритологи доказали справедливость суждений Джонса и значительно расширили список родственных с санскритом языков и стали говорить о «великом индоевропейском, или арийском семействе языков» [Мюллер: 53].

Методологической основой лингво-историософской концепции о единстве народов был не только сравнительный метод, но и, как указывает авторитетнейший специалист по индоевропейской проблематике М. Мюллер, дух христианства, как бы ценностно, мировоззренчески — спасительно — встроившийся в гносеологические установки религиозно восприимчивых ученых, действовавший внутри сравнительного метода не на расподобление целого, а на уподобление отдельных частей целому: «Христианство впервые уничтожило преграды между евреями и язычниками, между греками и варварами, между чернокожими и белыми <...> Идея всего человечества как одного семейства, как детей одного Бога родилась из христианства, и наука человечества и наука языков человечества есть наука, которая без христианства никогда не вступила бы в жизнь» [Там же: 92].

Лингвистические обобщения породили историософские концепции. Из первичного единства языков ученые вывели и первичное единство индоевропейских народов. Так, А.Н. Афанасьев в капитальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «Славяне состоят в родстве со всеми индоевропейскими народами» [Афанасьев 1: 21].

С другой стороны, необходимо напомнить о скрытой угрозе, которая таилась в лингвокультурологических построениях. Сравнительно-историческое языкознание давало материал не только для создания концепций о единстве народов,

но и о их разобщении. Э. Ренан в работе «Происхождение языка» отмечал, что лингвисты пришли к «неоспоримому выводу» о существовании принципиально разных языковых ветвей: «Можно считать аксиомой следующее положение: языки не имеют единого происхождения, они возникли параллельно в нескольких точках земного шара» [Ренан 6: 68]. Языковые различия между двумя группами способствовали образованию «арийской» и «семитской» обособленности — со всеми потенциально вытекающими идеологическими и политическими последствиями. Таковую опасность чувствовал Э. Ренан, предупреждавший о недопустимости политизации лингво-историософских концепций: «Будьте осторожны: эта этнографическая политика не безопасна» [Там же: 97]. Осуждая чьи-либо претензии на историческое и мировое доминирование, он писал: «Это весьма крупная ошибка, которая погубила бы европейскую цивилизацию, если бы сделалась господствующей» [Там же: 94].

Э. Ренан, предупреждая, насколько опасным может быть политическая гипертролизация научных данных о наличии различных языковых рас, все свои интеллектуальные усилия направлял на то, чтобы доказать «существование такого периода, когда арийцы и семиты жили вместе» [Там же: 69—70]. «Арийцы и семиты жили вместе и, быть может, даже были одним народом», — писал О. Шрадер, также поддерживая гипотетические суждения Э. Ренана [Шрадер: 142].

Не случайно Бунин, безусловно, знакомый с различными научными и религиозно-мифологическими картинами происхождения человечества, остановился на той из них, которая сводит «арийскую» и «семитскую» ветви к одному корню. В рассказе «Город Царя Царей» Бунин излагает легенду, согласно которой первыми действующими лицами «арийского царства» были библейские герои Адам, Ева, Авель и Каин, расселившиеся впоследствии на евроазиатской территории (см.: [Бунин 5: 130—131]). Таким образом писатель намечает концепцию «цейлоно-индийского» пути человечества, обозначая его исток и утверждая его изначальное единство, переживание которого наследуется в веках чутким сердцем [Карпенко].

С данной антрополого-историософской концепцией о единстве народов, воплощаемой Буниным в ряде произведений, сопрягаются и смыслы стихотворения «Магомет и Сафия». Хотя оно и строится на другом «материале», в основе которого этноконфессиональная проблематика, актуализируемая посредством жанровой семейно-бытовой сцены из жизни пророка Магомета, но выражает ту же самую антропологическую идею родства исторически разных народов. Бунин очень тонко передает чувства духовно-кровной связи пророка с ветхозаветным прошлым. Одиннадцатая жена Магомета Сафия жалуется ему, что все арабы дразнят ее «жидовкой». Магомет просит Сафию назвать его соплеменникам имена библейских пророков. Просит ее «с любовью», «кротко», чтобы она не только призналась, что она еврейка, но и напомнила им о их собственном родовом корне: Авраам и Моисей — кровные и духовные отцы арабов, Магомет — прямой потомок Измаила, сына Авраамова. Каждый мусульманин знает об этом. Следовательно, и Сафия — их родная сестра. И она, и они, как бы друг к другу ни относились, люди одного происхождения, одного духовного и кровного древа.

Как видим, в стихотворении «Магомет и Сафия» воссоздается очень привычная бытовая ситуация: люди ссорятся между собой на национальной почве. Бунин дает как бы повод мысленно развернуть сюжет в логике противоборства и обид на национальной почве. Ведь Сафию арабы дразнят: она говорит об этом Магомету, «сквозь слезы, не стирая слез». Казалось бы, Магомет должен был бы разгневаться, заступиться за свою жену. Но он поступает мудро: действует не физически, а духовно, не с чувством гнева, а с сердечным пониманием сути

Корана, где прописано родословие арабов. Магомет переводит разрешение конфликта с национально-бытовой почвы, на духовно-родственную, поднимает его на тот уровень, где он должен разрешиться в любви и согласии. Магомет — носитель высшей духовной мудрости, он выступает как пророк-проповедник любви и примирения даже в повседневно-обыденной ситуации. Он просит Сафию, чтобы она напомнила его соплеменникам о духовно-кровном родстве арабов и евреев, пробудила в них то чувство, которое в них заложено светом Корана. Для Магомета переживание такого родства естественно: он сохранил его в себе от «первопредков» и живет им как наследуемым богатством.

Бунин хотя и воспроизводит семейно-бытовую (даже прикровенную) ситуацию, но, приводя речения Магомета, утверждает мысль онтологического порядка: «последний пророк» свидетельствует о духовно-кровном единстве арабского и еврейского народов — провозглашает непреложные истины Корана, рассчитывая на духовно-душевный отклик соплеменников, на их прозрение, на восприятие других по национальному признаку как своих по изначальному и сакральному родству. «Онтологизм» духовно-кровного родства, выраженный простыми, «кроткими» словами Магомета, не может быть отменен ни политическим, ни историческим, ни метафизическим способами.

Таким образом, стихотворение «Магомет и Сафия» становится и художественно самодостаточным высказыванием, и выразительным примером, составляющей частью антрополого-историсофской концепции Бунина о единстве человечества, которая многократно поддерживается и усиливается на протяжении всего его творчества лирическими признаниями и религиозно-личностными сопряжениями, когда как бы упраздняется время и переживается состояние вечности, причастности к духовным дарам Господа, как, например, в рассказе «Ночь»: «И вдруг опять испытал я то непередаваемое чувство, которое испытываю всю жизнь, когда мне случается проснуться на ранней заре, — испытал чувство великого счастья, детски доверчивой, душу умиляющей сладости жизни, чувство начала чего-то совсем нового, доброго, прекрасного — **и близости, братства, единства со всеми живущими на земле вместе со мною.** Как я понимаю всегда в такие минуты слезы Петра-апостола, который именно на рассвете так свежо, молодо, нежно ощутил всю силу своей любви к Иисусу <...> И почти те же самые чувства, что наполнили когда-то Петра в Гефсимании, наполняют сейчас меня, вызывая и на мои глаза те же самые слезы, которыми так сладко и больно заплакал Петр у костра» [Бунин 5: 304—305].

Список источников

Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1965—1967.
Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1986.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. Ясперс (Jaspers), Карл // Аверинцев С.С. София—Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 526—533.
(Averintsev S.S. Jaspers Karl, *Averintsev S.S. Sofia—Logos. Dictionary*, Kiev, 2006, pp. 526—533. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Париж: YMCA-Press, 1997. 578 с.
(Berdyayev N.A. *Collected works: in 5 vols, vol. 5*, Paris, 1997, 578 p. — In Russ.)
- Геккель Э. Мировые загадки. Популярные очерки монистической философии. М.: Издание Д.П. Ефимова, 1906. 336 с.
(Haeckel E. *World riddles. Popular essays on monistic philosophy*, Moscow, 1906, 336 p. — In Russ.)

- Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: РГГУ, 1995. 102 с.
(Yesaulov I.A. The spectrum of adequacy in the interpretation of a literary work (“Mirgorod” by N.V. Gogol), Moscow, 1995, 102 p. — In Russ.)
- Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
(Camus A. The rebellious man. Philosophy. Politics. Art, Moscow, 1990, 415 p. — In Russ.)
- Карими-Мотахар Дж., Яхьяпур М. Ценности Востока в творчестве Ивана Бунина // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург: Ажур, 2022. С. 39—40.
(Karimi-Motahar J., Yahyapur M. Values of the East in the work of Ivan Bunin, *Axiological aspects of modern philological research. Abstracts of the international scientific conference*, Yekaterinburg, 2022, pp. 39—40. — In Russ.)
- Карпенко Г.Ю. Путь с Востока: И.А. Бунин и Н.К. Рерих о единстве человечества (литературно-историософский и антропологический контекст) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. № 1. С. 123—134.
(Karpenko G.Y. The Way from the East: I.A. Bunin and N.K. Roerich on the Unity of mankind (literary, historiosophical and anthropological context), *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences*, 2024, no. 1, pp. 123—134. — In Russ.)
- Кочергина В.А. Учебник санскрита. М.: Добросвет; МЦНМО, 2001. 344 с.
(Kochergina V.A. Sanskrit textbook, Moscow, 2001, 344 p. — In Russ.)
- Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 357 с.
(Lidov A.M. Hierotopia. Spatial icons and images-paradigms in Byzantine culture, Moscow, 2009, 357 p. — In Russ.)
- Мюллер М. Лекции по науке о языке, читанные в Королевском Британском институте. СПб.: Издание редакции Библиотеки для чтения, 1865. 303 с.
(Muller M. Lectures on the science of language, read at the Royal British Institute, St. Petersburg, 1865, 303 p. — In Russ.)
- Пращерук Н.В. О типе художественного сознания И.А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 30—35.
(Prashcheruk N.V. On the type of artistic consciousness of I.A. Bunin, *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2020, no. 4, pp. 30—35. — In Russ.)
- Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с фр. В.Н. Михайлова. Киев: Издание Б.К. Фукса, 1902. Т. 6. 164 с.
(Renan E. Collected works: in 12 vols, translated from French by V.N. Mikhailov, Kiev, 1902, vol. 6, 164 p. — In Russ.)
- Спивак Р.С. Философия истории в дооктябрьской лирике И.А. Бунина // Русская философская лирика: Проблемы типологии жанра. Красноярск: КГУ, 1985. С. 85—101.
(Spivak R.S. Philosophy of history in the pre-October lyrics of I.A. Bunin, *Russian Philosophical lyrics: Problems of genre typology*, Krasnoyarsk, 1985, pp. 85—101. — In Russ.)
- Толстой И.И. Антисемитизм в России и другие статьи по еврейскому вопросу. Петроград: Типография Л.Я. Ганзбурга, 1917. 96 с.
(Tolstoy I.I. Anti-Semitism in Russia and other articles on the Jewish question, Petrograd, 1917, 96 p. — In Russ.)
- Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманской древности / пер. с нем. Н.Г. Чернышевского. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1886. 482 с.
(Schrader O. Comparative linguistics and primitive history. Linguistic and historical materials for the study of Indo-Germanic antiquity, St. Petersburg, 1886, 482 p. — In Russ.)
- Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем.: 2-е изд. М.: Политиздат, 1994. 527 с.
(Jaspers K. The meaning and purpose of history, Moscow, 1994, 527 p. — In Russ.)

Jędra J., Stawinoga S. Встреча христианства с исламом — Ангелы Ивана Бунина // *Przegląd Ruscystyczny*. 2019. no. 2 (166). P. 51—70.
 (Jędra J., Stawinoga S. The meeting of Christianity with Islam — The Angels of Ivan Bunin, *Rzegląd Ruscystyczny*, 2019, no. 2 (166), pp. 51—70. — In Russ.)

**I.A. BUNIN'S POEM “MOHAMMED AND SAFIYA”:
 THE ANTHROPOLOGY OF KINSHIP
 (TEXT AND CONTEXTS OF UNDERSTANDING)**

Gennady Y. Karpenko, Pragma Mishra

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
 Samara, Russian Federation, karpenko.gennady@gmail.com
 New Delhi, India, gayatri-pragya2001@gmail.com

Abstract. In the article, the poem “Mohammed and Safiya” is considered both in relation to other works by Bunin, and in the light of linguistic-historiosophical, anthropological and religious ideas of the time, which in various forms were reflected in the poem. The “contextual” approach makes it possible to actualize those potential subtextual meanings that come to life in the poem in the context of those spiritual and humanistic moods of the epoch that are associated with the desire for “renewal” of a person. Bunin substantiates the idea of the need for a “resurrection” of the worldview of the “first days” of Creation in a person, an “inner” return to the “original”, when a person lived in memory of his “Abrahamic” “birthright”. In the complex of “returning” awakening feelings that unite all mankind in spiritual kinship, Bunin saw the “meaning and purpose of history”, which should find their realization not in its frightening eschatology, but in its anthropological peak, in the space of Paradise, where it — the space of Paradise — is hierotopic, permeated with the gracious energy of the Creator's presence. And man is filled, like Mohammed, with a sense of “gentle” joy, an experience of “closeness, brotherhood and unity with all living on earth.”.

Keywords: I.A. Bunin, poem, Mohammed, Safiya, Koran, Bible, motherland, Abraham's birthright, unity of mankind

For citation: Karpenko G.Yu., Mishra P. I.A. Bunin's Poem “Mohammed and Safiya”: the anthropology of kinship (text and contexts of understanding), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, Special issue, pp. 16—24.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Карпенко Геннадий Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия, karpenko.gennady@gmail.com

Karpenko Gennady Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation, karpenko.gennady@gmail.com

Мишра Прагья — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева, г. Самара; г. Нью-Дели, Индия, gayatripragya2001@gmail.com

Mishra Pragma — Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara; New Delhi, India, gayatripragya2001@gmail.com